

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Владимир ВОРОНЦОВ

кандидат технических наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных исследований. Казанский институт евразийских и международных исследований. 420139, Российская Федерация, г. Казань, ул. Сафиуллина, д. 50А, оф. 137; e-mail: vorontsov.vladimir2010@yanex.ru

АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗ В СВЕТЕ ГЕНЕРАЛИЗУЮЩЕЙ ТЕОРИИ

Статья освещает потенции разработанной автором генерализованной и генерализующей трудовой концепции антропосоциокультурогенеза, позволяющей согласовать (генерализовать) предельно архаичные взгляды на природу человека, социума, культуры с современными научными фактами, свидетельствующими, что истоки антропосоциокультурогенеза не связаны с производством орудий. Предложенная теория, связывающая истоки антропосоциокультурогенеза с культивированием человека, позволяет ввести в научный оборот практически неограниченное количество фактов, позволяющих пролить свет на движущую силу антропосоциокультурогенеза, а также осветить широкий круг проблем, связанных с антропогенезом: проблему бипедии, гоминизации челюстной системы, редукции волосяного покрова. В рамках предложенной теории комплексно решаются проблемы, связанные с осмыслением социогенеза: устанавливаются причины, которые вызвали к жизни культурный социум (общество), реконструируются исходные формы социализации, инкультурации и т. д. Генерализованная трудовая концепция антропосоциокультурогенеза позволяет пролить свет на истоки важнейших феноменов человеческой культуры: медицины, костюма, кухни, архитектуры, а также предельно детально проследить процесс становления моделирующих систем: языка, сказки, мифа, обряда, живописи, театра и т. д.

Ключевые слова: философия, антропосоциокультурогенез, генерализованная теория, родительский инстинкт, родительский труд, воспитание, культура, культивирование человека, культурный социум, моделирующие системы

Традиционно освещение антропосоциокультурогенеза осуществлялось в рамках религиозных доктрин, в которых фундаментальную роль играют Святой Дух (Родительская Любовь), обожаемые родители – податели всех благ, носители Высших Сил, Высшего Разума, которые воспроизводят рукотворный универсум – исходную среду нашего обитания, а также обеспечивают наше изначальное бытие, социализацию, инкультурацию на отрезке нашей жизни, который называется золотым веком. Этот отрезок жизни мы не помним, но прекрасно помнят наши родители. Золотой век, начальные, незапамятные времена детально отражены в мифе, волшебной сказке.

Со второй половины XIX в. получают распространение взгляды на происхождение человека и общества, игнорирующие духовный фактор, культурологический процесс, исходную среду обитания человека – материнские руки. Многие особенности социальной и культурной эволюции первобытного человека, в частности формирование сознания и речи, не получили однозначного объяснения в рамках этих учений. Это способствовало утверждению орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза, которая содержит культурологический фактор, связанный с фабрикацией искусственных орудий. Эта теория стала использоваться в качестве теоретического базиса многих наук, призванных изучать культуру человека, а не «культуру камня, бронзы, железа». Данную концепцию антропосоциогенеза с полным основанием можно назвать механистической или технократической.

В рамках механистической доктрины сложились глубоко ошибочные взгляды на материальное производство, на базовые формы трудовой деятельности, обеспечивающей воспроизводство видов. Материальное производство существует везде, где есть матери, поэтому нет оснований отрицать наличие животноводства у животных, птицеводства у птиц. В рамках животноводства, птицеводства осуществляются и добыча пропитания, и постройка жилищ, и воспитательный процесс. У истоков этих форм трудовой деятельности лежит родительский инстинкт, который по своей природе социален, поскольку обеспечивает формирование естественного социума «мать-дитя». Именно материнский инстинкт породил воспитание, культурологический процесс, поэтому нет оснований противопоставлять социальное и культурное биологическому.

В рамках биологии можно осмысливать не только культуру гороха, но и культуру человека. В компетенцию биологии входят и естественные, и культурные социумы. Именно биология изучает материнские руки – «колыбель человечества» и позволяет познакомиться с исходными орудийными, транспортными, знаковыми системами, сказочными и мифическими существами, которые участвуют в формировании исходной культурной среды, в воспитательном процессе. Именно биология позволяет увидеть, как сказочные козы бодают, кормят нас, учат «казать»,

показывать, сказывать. Исходная культурная среда, чудесные существа, язык сказочных и мифических животных детально описаны в волшебной сказке, мифе, но механицизм в принципе исключает возможность понимания природы тотемизма, смысла древних учений, столь красочно отразивших истоки человеческого быта и бытия.

Отрицание существования «чудесных говорящих орудий» (людей) придаёт технократическим теориям ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) и глубоко антинаучную направленность. Это способствует расцвету «цивилизованного» мифотворчества, а также возникновению целой «индустрии обмана и самообмана». Самые ужасные катаклизмы прошедшего века были связаны не с истощением ресурсов, не с проблемами экологии и не с нашествием инопланетян, а с цивилизованным мракобесием. Сказочно богатая ресурсами страна, которая гордилась своей духовностью, первая покрылась густой сетью концентрационных лагерей, в которых люди расставались со своими естественными ценностями (жизнью, здоровьем, родными, близкими) ради придуманных благ. Трагедия этих людей была предрешена расцветом псевдогуманизма, псевдоисторизма, псевдоучёности.

Под псевдореволюционными лозунгами «Труд создал человека», «Рука создала человека» с лёгким сердцем подпишется даже Папа Римский, поскольку это не противоречит Священному писанию. Между тем до сих пор отсутствуют музеи, посвящённые руке. До сих пор отсутствуют научные центры, ведущие комплексные исследования «колыбели человечества», исходной орудийной, транспортной, знаковой системы, исходного логического аппарата, посредством которого мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, понимать других. Комплексное осмысление роли родительских рук в антропосоциокультурогенезе, предпринятое автором в работах [1–10], позволило осмыслить традиционные учения о природе человека, общества и пролить свет на труд, который реально обеспечивает воспроизводство человека, общества, культуры. Это позволило установить движущую силу антропосоциокультурогенеза и выработать теорию, позволяющую выяснить причины, вызвавшие потребность в человеке и обществе, реконструировать традиционные методы культивирования человека и общества, установить естественный социум, а также членов этого социума, которые инициировали антропосоциокультурогенез и породили широкий спектр феноменов человеческой культуры: медицину, костюм, кухню, архитектуру и т. д.

Причины, вызвавшие потребность в человеке и обществе, в свете генерализующей теории

Творец современной классификации растений и животных К. Линней с полным основанием включил человека в систему животного царства. Все люди были причислены к одному роду с видовым названием *Homo sapiens nasee te ipsum* (человек разумный, познай себя самого). Судя по названию, Линней прекрасно знал о спорах, которые испокон веков ведутся по поводу сущности человека. Затрудняясь выделить родовой признак Человека, он лишь подчеркнул необходимость человечеству решить данную проблему и дать себе название. Без серьёзных оснований усечённая форма пожелания Линнея стала видовым названием человека – *Homo sapiens*. Между тем далеко не все двуногие приматы, обладающие разумом, развитой речью, способностью производить и использовать высокоэффективное вооружение, терпимы в человеческом обществе. Среди осуждённых Хабаровским и Токийским трибуналами японских военных преступников были видные учёные. Чтобы осуждать «преступления против человечности», общество вынуждено рассматривать подобного рода субъектов как нелюдей, а представителей своего вида – как *Номо humanis*. Осознание ужасов прошедшего века, а также углублённое изучение мозга человека подрывают всякий пиетет к его мыслительной деятельности. «Удивительная вещь: там, где то или иное открытие нейронауки должно рождать уверенность в святости мозга, он всё более напоминает мощную, но дефектную машину, способную даже погубить человечество» [12, с. 8].

Образ мыслей наших предков мог погубить их уже при первых попытках ввести в культуру эффективное вооружение. В процессе наблюдения за поведением обезьян в социальном контексте становится ясно, что психика этих животных способна инициировать непрерывные конфликты в стаде. Дело в том, что обезьян очень волнуют их положение в социальной иерархии и возможности повышения своего ранга. Для того чтобы способствовать продвижению «вверх» отдельных особей, формируются сложные альянсы и коалиции. В книге «Политика у шимпанзе» [18] нидерландский приматолог и этолог Ф. де Валь показывает, что самыми заядлыми политиканами (в прямом смысле этого слова) среди всех животных и людей являются наши ближайшие родственники среди существующих приматов – шимпанзе. Шимпанзе-самцы живут в мире непрерывных политических интриг. Они могли бы потрясти самого Макиавелли хитростью, предательством и безжалостным стремлением к достижению и сохранению власти. Вспышки массовой жестокости у цивилизованных людей, возврат к кровожадности и политиканству отражают исконные свойства нашей психики, унаследованные от диких приматов.

Проанализировав поведение более чем 50 видов, австрийский энолог К. Лоренц в своей книге «Так называемое зло» [13] показал, что у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль – инстинктивный запрет применять вооружение во внутривидовых стычках, в особенности если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему. Пламя лесного пожара, лишая приматов традиционного убежища, традиционных средств существования, оставляет после себя огромное количество заострённых и закалённых на огне палок. Именно заострённая палка-копалка (копье) позволила нашим предкам преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки антропосоциокультурогенеза с процессом придумывания и изготовления орудий, а также видеть в австралопитеках беззащитных существ. Имеющий слабую естественную вооружённость предок человека с обретением простой палки-копалки (копья) стал самым вооружённым видом на Земле, поскольку удара копья не выдержит даже кит. При этом врождённая мораль у владельца копья осталась на крайне низком уровне. Это сделало предка человека предельно жестоким и предельно асоциальным существом, предрасположенным к каннибализму.

Культивирование человека, общества, а не фабрикация орудий приобрело крайнюю актуальность уже на самых ранних стадиях антропосоциокультурогенеза. Это осознаёт всё большее число исследователей, включая последовательных сторонников орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза. В книге «Как возникло человечество» Ю.И. Семёнов с полным основанием пишет: «Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева, кости и камня. Несомненно, что эти орудия они должны были пускать во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьёзные ранения и нередко вело к смертельному исходу» [15, с. 132]. Он утверждает: «Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько существовала в стае предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей» [15, с. 133]. Таким образом, введение в культуру более совершенных орудий стимулирует появление нелюдей, что делает невозможным само существование политиканов и интриганов, каковыми сделала природа нас и наших предков. Всё это делает предельно актуальным антропосоциокультурогенез.

Становление человека и культурного социума (общества) в свете генерализующей теории

Подорвать сам себя, вопреки заверениям Ю.И. Семёнова, зоологический индивидуализм не мог. Побороть его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил человечность, способность сознательно заботиться о своём и чужом здоровье. Эту способность, без которой немислимо даже сообщество каннибалов, могли ввести в культуру только существа, которые от природы склонны делиться, сочувствовать, сострадать, воспитывать. Такими существами у приматов являются матери. Именно матери способны одомашнить, очеловечить самых могучих и свирепых самцов во времена, когда они находятся под их полным контролем и поддаются дрессуре. Нет ничего удивительного в том, что именно начальные времена человеческого бытия столь актуальны для первобытного сознания и столь детально отражены в древних мифах.

Регулярное использование заострённой палки смертельно опасно и для её владельца, и для его ближайшего окружения. Особую опасность острые палки представляют для младенцев, которые склонны использовать их без всякого разумения во время игры, ссор, потому здесь на первый план выступает их воспитание, нацеленное на профилактику травматизма, на культивирование сочувствия, сострадания, сознания, человечности. Материнский инстинкт должен был совершить революцию в формах своей реализации и перейти к осмысленной заботе о здоровье детей, к культивированию человеческих начал в общежитии, чтобы обезопасить малышей от стихийного использования столь опасного орудия. Именно эта революция вызвала антропосоциокультурогенез.

Любая мать чисто инстинктивно чувствует, что ребёнок должен стать человеком задолго до того, как сделает свой первый шаг, возьмёт в руки вилку, ножик или молоток. Пребывая на материнских руках, мы с огромным энтузиазмом показываем, как надо любить ближних, делиться с ними. С младенческих лет мы учимся не использовать естественное и искусственное вооружение при дележе пищи и других благ, а также при выяснении отношений. Именно этим отличается воспитание человека от воспитания животного. Животные побуждают своих детёнышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Детёныши животных оттачивают свои навыки владения оружием на своих близких: родителях, братьях, сестрах. Естественное вооружение используется животными во время ссор, при дележе добычи, самок, определении социального статуса. Совсем не сложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животные попытаются ввести в культуру палку-копалку (копье). Пострадает при её освоении отнюдь не палка. Есть

все основания полагать, что вовсе не забота о механических орудиях, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам и провоцируют кровопролитие, побудила матерей разработать способы культивирования людей, культурного социума (общества), в котором категорически запрещено свободное использование орудийных систем. Именно эти способы лежат в основе человеческой культуры. Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые регулярно использовали палки-копалки (копья), были вынуждены культивировать альтруизм и располагали весьма эффективной знаковой системой. Факты подтверждают мысль о том, что антропосоциокультурогенез носил не эволюционный, а скачкообразный, революционный характер.

Воспитание сливает социогенез, культурогенез и морфогенез в неразрывное целое. В воспроизводстве естественного социума, состоящего из кормящей матери и ребёнка, огромную роль играет не только материнское чувство, но и материнская телесность. В ходе общения с ребёнком мать вынуждена адаптироваться к потребностям своего чада, а также адаптировать их к своим потребностям. Это даёт основание при рассмотрении антропосоциокультурогенеза выбрать естественный социум «мать-дитя» или «паразит-хозяин» в качестве исходной экосистемы. Именно в рамках этого социума удаётся найти ответы на многие фундаментальные вопросы, связанные с антропосоциокультурогенезом.

Исходная среда обитания обезьяны и человека принципиально различны. «Когда у обезьяны рождается детёныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под её грудью, спиной книзу. В таком состоянии детёныш остаётся и тогда, когда спит, и тогда, когда бодрствует» [11, с. 272]. Исходной средой обитания человеческого младенца со дня появления его на свет являются руки его матери.

В работе «О природе вещей и педагогической археологии» автора данной статьи впервые показано, что «перемещение на четырёх конечностях с зажаты в руке острой палкой требует крайней предусмотрительности и очень быстро приводит к трагическим последствиям. Больше всего на начальном этапе освоения заострённой палки-копалки страдали малыши, висевшие под грудными клетками матерей, держась за густую шерсть» [4, с. 35]. Забота о детях должна была стимулировать прямохождение, которое должно было войти в культуру уже при первых попытках освоить заострённую палку. Переход к прямохождению произошёл за миллионы лет до появления «каменной индустрии». По вполне объяснимым причинам этот переход носил не эволюционный, а революционный характер.

Взяв острую палку под мышку, можно заколоть младенца, висящего за спиной. Естественно, что более короткошёрстные мамы имели больше шансов вырастить потомство. Это не могло не привести к редукции волосяного покрова.

Челюстно-лицевые органы обезьяны способны породить массу проблем при переходе к потреблению грубого подножного корма. Особые проблемы должны были возникнуть у детей. Перегрызать волокна подножного корма им мешали не только выступающие клыки, но и смена зубов. Подобного рода проблемы не могли не породить заботу матерей о наружности («орудийности») своих чад. Именно матери были вынуждены, переживая за детей, пережёвывать грубый подножный корм. Всё это способствовало выработке широчайшего комплекса представлений о вкусе, прикусе, наружности («орудийности»), красоте.

В работе [1] автора данной статьи впервые показано, что забота о детях побудила матерей ввести в культуру заботу о наружности, разработать критерии красоты, благодаря которым началось регулирование половой активности, что вывело процесс эволюции из-под контроля естественного отбора. В этой связи глубоко ошибочны попытки рассматривать эволюцию челюстно-лицевых органов человека, игнорируя родительский инстинкт, родительскую заботу о наружности детей. В свете этих реалий могут получить разумное объяснение такие древние обычаи, как трансформация челюстей, выбивание, подпиливание резцов, клыков при инициации. Таким образом, в рамках экосистемы «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом, можно успешно освещать самые фундаментальные тайны антропогенеза: гоминизацию челюстной системы, редукцию волосяного покрова, бипедию.

Следует заметить, что прямохождение не освободило материнские руки для орудийной деятельности, а превратило их в среду обитания младенцев. Острая палка в руках матери крайне затрудняет транспортировку младенцев и делает этот процесс весьма опасным для малышей. Решить данную проблему может только коллективное воспитание. Матери чисто психологически легче оставить ребёнка на попечении своей матери, сестры, дочери. Материнский инстинкт, забота о ребёнке, а не забота о фабрикации орудий стимулировали развитие кровнородственных связей, породили разделение труда, специализацию, коллективное потребление.

Коллективы матерей существуют и у современных шимпанзе. Авторы книги «Биология человека» по поводу различных группировок у шимпанзе пишут: «Группы взрослых самцов обычно очень подвижны, создают много шума и стремятся первыми обнаружить в лесу источники пищи. Группы матерей, напротив, относительно инертны, стараются не создавать шума и обычно остаются на одном месте, переход на новую стоянку, которую они выбирают, ориентируясь по крикам других животных, совершается быстро и почти бесшумно» [16, с. 115–116]. Именно на основе таких групп матерей и таких стоянок должны были возникнуть первые материнские коммуны, обеспечившие пропаганду родительского чувства, альтруизма, сознательной заботы о здоровье, что придавало процессу воспитания принципиально иной характер.

Самцы, становясь взрослыми, не теряли духовных качеств, навыков общения, полученных в материнских коммунах. Способность договариваться, техника безопасности уберегали их от самоистребления, а также способствовала становлению осмысленного быта.

Наличие представителей двух полов в стаде способно пролить свет на истоки дуальной организации родов, на природу матриархата. Коллективное воспитание позволяет не только выявлять детей с явными психическими отклонениями, но и стимулирует их отсев. Матери, боясь за своих чад, всегда найдут повод и средство избавить общество от психопата. Дети видят отношение взрослых к подобному рода субъектам, что, безусловно, способствует их самоконтролю и росту самосознания.

Становление культуры в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза

В рамках генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза решается широкий спектр вопросов, связанных с культурогенезом. Основную массу этих вопросов порождает засилье механицизма в учениях о культурогенезе. Так, например, в рамках механистических доктрин, отрицающих существование чудесных орудий, становление медицины не может получить логического обоснования. По этой причине историки медицины традиционно вынуждены рассчитывать исключительно на свою интуицию при освещении истоков медицины, а также входить в непримиримый конфликт с механицизмом. Интуиция побуждает их связывать эти истоки не с заботой о механических орудиях, а с материнской заботой о чадах. Она также побуждает считать медицину, а не обработку камня ровесницей человека и человечности, а также видеть у истоков умственного и духовного лидерства не каменотёсов, а женщин-врачевательниц.

Без учёта врачебной практики невозможно укоренить принципы антропологизма, биологизма в широком круге наук, занятых исследованием истоков человека, общества, культуры, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества, культуры, для которых характерен антропоцентризм, биоморфизм. Изучение процессов введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории центров происхождения культурных растений, домашних животных. Может показаться, что обобщение этого биокulturологического подхода, его распространение на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры естественного произрастания зубил, резцов, палиц, лопаток, саней, снарядов, героев, божеств, словес, музы-

кальных инструментов, театров, храмов и т. д., однако такая возможность существует. Для реализации этой возможности следует забыть про каменные орудия и обратиться к орудиям, которые вызвали к жизни медицину, биологию, бионику и т. д. В свете подлинного историзма «чудесные орудия», а также «преданья старины глубокой» перестают казаться продуктом безудержной фантазии наших предков.

В монографии «Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе» [10] автором данной статьи детально рассмотрены факторы, вызвавшие потребность в протомедицине, роль материнского инстинкта в её зарождении, роль протомедицины в антропосоциокультурогенезе, реконструированы исходный язык медицины, исходные формы приобщения к протомедицине, отражение этих форм в сказке, мифе, обряде, а также показана роль протомедицины в формировании мифологического мировоззрения.

В работе «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» [9] автором развивается мысль о том, что человеческая природа «говорит на языке геометрии», поскольку наша конституция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто рефлекторно. «Так, например, при переносе таза с водой или охапки дров наши руки независимо от нашего сознания измеряют, воспроизводят и манифестируют размеры этих объектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно сетовать: наносить координатную или мерную сетку из пальцев рук на больное место, чтобы умирить боль. Естественная система координат, которая рефлекторно наносится на тело, крайне актуальна при диагностике, поскольку позволяет определить больной орган, эпицентр боли, размеры поражённого участка. Эта система позволяет моделировать психические состояния (первую сигнальную систему), а также размечать свой стан даже маленьким детям. Она играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности, поэтому нет оснований утверждать, что первоначальное применение координат связано с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашей фигуры. Есть все основания полагать, что и истоки нумерации связаны с естественной мерной сетью» [9, с. 7]. На обширном антропологическом, лингвистическом, фольклорном, мифологическом, психологическом, педагогическом материале в данной работе показаны естественные истоки математических моделирующих систем, а также процесс их введения в культуру в качестве исходной знаковой системы, сыгравшей фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе. Детей учат сознательно сетовать, различать большое и малое, а также оценивать и показывать размеры («...вот такой ширины, вот такой ужины...») задолго до приобщения к счёту, числу, хозяйственной деятельности. В 6–7 лет в традиционных обществах дети сами становятся воспитателями, поскольку их умственные потенции позволяют забо-

тяться о младших членах общества, сознательно участвовать в базовой форме трудовой деятельности. Всё это актуализует соотнесение истоков математической культуры, истоков сознания с заботой о человеке, а не с «заботой о камне, бронзе, железе».

Связь культурных, мифологических и сказочных универсалий с родительскими руками и культивированием человека детально рассмотрена в работах [2; 3; 6; 8; 9], посвящённых истокам моделирующих систем: языку, сказке, мифу, театру, обряду. Физическое, умственное, нравственное развитие ребёнка традиционно протекает под контролем общества. Этот контроль издревле отличался поразительным педантизмом. Даже антропометрические данные членов социума: форма черепа, характер прикуса, длина ушей, шеи – в традиционных обществах зачастую оказываются регламентированными и подлежат искусственной корректировке. Психическая и антропометрическая корректировка во многих случаях бывает эффективной именно в раннем возрасте. Исходные формы социализации, инкультурации отличаются поразительной универсальностью, которая лежит в основе культурных, сказочных, мифологических универсалий. К подобного рода универсалиям относятся учения о безоблачных истоках человеческого бытия.

Золотой век – мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются абсолютной беззаботностью. Зародышевую форму таких представлений можно найти не только у греков, но и у многих первобытных народов, сохранивших мифы об изначальных временах, когда человеку не надо было трудиться, а окружающий мир был рукотворен и полон чудесных превращений. Представления о золотом веке, утраченном «земном рае» можно встретить и в развитых религиозно-мифологических представлениях.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. Она категорически отрицает существование в прошлом таких времен, когда человеку всё доставалось даром, когда его окружали чудесные предметы, постройки, существа. В основе скептического отношения современной науки к сказочным древностям лежат свидетельства археологической науки, которая категорически отрицает существование сказочных построек, сказочных орудий, сказочных существ. Слепота археологов вполне объяснима. Покидая свою колыбель, мы забываем о «рукотворной Вселенной», её «архитекторах» и «архитектуре». Забываем мы и о тех педагогических приемах, посредством которых всеблагие учителя учили нас договариваться, приобщали к профилактике травматизма, побуждали сочувствовать, сострадать, любить ближних, заботиться об их здоровье. Об этих факторах антропосоциокультурогенеза пытаются напомнить нам сказки, мифы, но механистические предрассудки не позволяют прислушаться к голосу предков, к «голосу разума». Подобно-

го рода предрассудки исключают существование времён, когда деревья были большими, плоды – огромными, когда нас окружали исполины, «титаны мысли и духовности», возводившие титанические сооружения, с которыми связаны первые времена нашего бытия.

В сказках, мифах в качестве предков, создателей различных культурных ценностей часто фигурируют животные, которые зачастую занимаются врачеванием и являются символом мудрости. Глубоко архаичны мифологические сюжеты о порождении Вселенной животными, о пребывании людей в чреве животных, о животных предках человека. Видный советский этнограф Л.Я. Штернберг в своей книге «Первобытная религия в свете этнографии» пишет: «Теротеизм (поклонение животным, зоолатрия) – некогда универсальная форма религиозного мышления, сохранившаяся до настоящего времени у всех диких и варварских племён и даже у некоторых более или менее культурных народов (браминистическая Индия, Египет). Свидетельствами всеобщего господства культа животных служат религиозные и поэтические памятники всех исторических народов, начиная с гимнов Вед, Авесты, храмов и мумий Египта, историков и поэтов Греции и Рима, эпоса германских, романских и славянских народов и кончая современным фольклором европейских масс. Самый богатый следами теротеизма эпос славянский, в особенности русский» [16, с. 191].

Мифические животные могут выступать в качестве тотемных предков, героев, божеств, демиургов, триксеров (обманщиков, ловкачей), ездовых животных богов, героев и т. д. Мифическое животное может выступать типологически в чистом виде, однако зачастую оно является человеческим предком и божеством, культурным героем и триксером. Ворон у ительменов демиург, культурный герой, создатель рельефа местности и самой земли, изобретатель одежды, лодки и т. д. Это не мешает им рассматривать Ворона в качестве триксера. Подобно сказочным животным мифические звери могут заверять, общаться между собой и с людьми, поскольку обладают особым языком, постигнув который герой становился необычайно мудрым и проницательным. Он может установить причину той или иной болезни, вылечить любую болезнь.

По поводу природы мифических тотемных существ, наделённых всеми атрибутами человека, включая речь, у исследователей до сих пор отсутствует единство взглядов, хотя попытки отрефлексировать природу тотемистических учений имеют давнюю историю. Родительские **пяти (пасти)** способны пролить свет на природу тотемных существ, которые **пестуют** нас, когда мы абсолютно беспомощны, а также наставляют нас на путь истины. Две материнские руки задолго до возникновения института отцовства, семьи, брака породили такие культурные, мифологические и сказочные архетипы, как мать-животное, отец-животное, семья, брак, лево, право, мужчина, женщина и т. д. Всё это нашло отражение в самых разных семиотических системах, включая звуковые

языки. Автор книги «Удивительный мир слов и значений», написанной на материале ста языков, М.М. Маковский констатирует: «Значение “левый” соотносится со значением “женщина”, а “правый” – со значением “мужчина”; оба указанных значения могут восходить к значению “рука”» [14, с. 18]. Игнорируя первообразы представителей мужского и женского пола, невозможно постигнуть характер изначальных отношений между полами, понять истоки и смысл архаичных учений.

Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду, исходный жестовый язык не может вызывать сомнений. Именно с ними связаны исходные представления о жестах, божествах, о языке зверей, знакомство с которым позволяло приобщиться к самым сокровенным тайнам. Звери и звероподобные существа традиционно выступают в качестве наставников, помощников героев не только в сказках, но и в мифах. Волки, кони и другие «инструкторы» общаются с героями на общепонятном языке. К такого рода существам в греческой мифологии относится кентавр Хирон, который выделяется мудростью и благожелательностью. Он является воспитателем героев: Тесея, Ясона, Диоскуров. В качестве лекаря он обучал врачеванию Асклепия. Имя Хирона указывает на его связь с руками (греч. *cheir* – ‘рука’).

Рукотворный универсум породил представление о младенцах, которые заполнили своими телами всю первозданную Вселенную, созданную божествами. Породил он и учения о божественных первопредках, из чьей плоти был создан мир. Образ первочеловека-гиганта широко распространён в мифах. Так в раввинской литературе Адам изображается как первочеловек огромных размеров. В момент сотворения его тело заполняло всю Вселенную. Гигантом был и эддический великан Имир, чьей плотью божества заполнили первозданную пропасть, прообразом которой является родительская пясть. Подобного рода представления позволяют судить о размерах рукотворного космоса, в рамках которого складываются исходные геометрические представления, основы медицинской топографии, основы строительной терминологии.

Наше попадание в пясти (пасти) всеблагих родителей сразу после рождения может трактоваться как принесение младенцев в жертву богам, которое осуществилось изначальное и породило традицию, нашедшую отражение даже в Библии. В древней иранской традиции первочеловеком считается Гайомарт, который в первые времена был принесён в жертву богу. Такова судьба и ведийского первочеловека Пуруши, который ухитрился заполнить своей плотью всю первозданную Вселенную.

Родительские пятерни – божественные патроны, сказочные животные не могли переваривать младенцев, поэтому пребывание младенцев в чреве божеств, сказочных животных, сказочных и мифических великанов-людоедов часто заканчивается тем, что их отрыгивают обратно.

Многочисленные сказки, мифы свидетельствуют, что скушанные младенцы появляются на свет искушёнными во всяких премудростях. Причины этого кроются в воспитательном процессе.

Издrevле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. Это подтверждает мысль о том, что вовсе не тотемы были изначально продуктами питания, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки тотемизма с охотой. Для совершения обрядов, связанных с пребыванием в чреве первопредков, со временем стали сооружаться дольмены, лабиринты и другие архитектурные сооружения, осмыслить назначение которых невозможно, игнорируя материнские руки, воспитательный процесс, тотемизм.

Сложенные родительские пясти (пасти) должны были породить представление о многоэтажном небе (нёбе), «небесах обетованных». На этих небесах обитают безгрешные люди, каковыми изначально являемся мы. Познав добро и зло, научившись заботиться о своём здоровье, не причинять вред другим, мы спускаемся с небес, которые были нашими первыми палатами (лат. *palatum* – ‘нёбо’). Мифы, сказки утверждают, что в этой святой обители много еды, что её обитатели ведут счастливую жизнь, не зная тяжкого труда. Существует сказки, в которых герои попадают на небо, вдоволь наедаются там, встречают там сказочных животных и т. д.

На небесах многие народы размещают целые страны. В христианских представлениях рай является местом обитания ангелов и других безгрешных почитателей отца небесного. В раю эти чада соединяются с богом, созерцают его. Таким образом, представление о райской жизни, о небесах обетованных возникли не в ходе наблюдения за макрокосмом, а в ходе отражения материнских рук, породивших представление о всеблагих предках, «колыбели человечества», «святой обители», а также о воспитательном процессе, который широко представлен в древних учениях.

Заключение

Игнорируя духовный фактор – материнскую любовь, невозможно выработать убедительную теорию антропосоциокультурогенеза, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества, культуры. Отсутствие такой теории провоцирует формирование целой «индустрии обмана и самообмана» вокруг теории мифа, природы человека и общества, в которую вовлекаются всё более широкие круги современных философов и специалистов самого разного профиля. Это способ-

ствует засилью псевдонаучных доктрин в умах цивилизованных людей. Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза, рассматривающая в качестве базовой формы трудовой деятельности не культивирование орудий, а культивирование человека, учитывает духовный фактор – материнский инстинкт. Именно материнский инстинкт, а не забота о камне, бронзе, железе позволяет отыскать истоки осознанной заботы о здоровье, породившей медицину, костюм, кухню, архитектуру и т. д. Культивирование человека, а не обработка камня породило широкий спектр моделирующих систем: язык, сказку, миф, обряды, искусство. Процессы инкультурации, социализации человека, традиционно используемые матерями на самых ранних этапах антропосоциокультурогенеза, позволяют не только пролить свет на истоки этих систем, но и понять смысл традиционных учений о природе человека, общества, культуры. Такое понимание крайне затрудняет вольную интерпретацию этих учений, которая является неисчерпаемым источником для генерирования псевдонаучных доктрин и нападок на науку.

Список литературы

1. *Воронцов В.А.* К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // *Природа психического: тезисы докладов.* Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1994. С. 47–48.
2. *Воронцов В.А.* О театре волжских булгар и природе театрального искусства. Казань: Интелпресс, 2008. 212 с.
3. *Воронцов В.А.* Природа языка и мифа. Казань: Интелпресс, 2008. 473 с.: ил.
4. *Воронцов В.А.* О природе вещей и педагогической археологии. Казань, Intelpress+, 2009. 235 с.: ил.
5. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // *Философия и общество.* 2010. № 3. С. 130–148.
6. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. Казань: Intelpress+, 2011. 268 с.: ил.
7. *Воронцов В.А.* К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // *Вестник экономики, права и социологии.* 2012. № 1. С. 136–140.
8. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социокультурогенеза. Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. 415 с.: ил.
9. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 252 с.: ил.
10. *Воронцов В.А.* Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. Казань: Центр инновационных исследований, 2015. 264 с.: ил.
11. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // *Выготский Л.С. Собр. соч.*: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
12. *Гуревич П.С.* Десакрализация мозга // *Философская антропология.* 2015. Т. 1. № 1. С. 6–19.

13. *Лоренц К.* Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008. 616 с.: ил.
14. *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. 200 с.
15. *Семёнов Ю.И.* Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.
16. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж.* и др. Биология человека / Пер. с англ. Е.З. Годиной. М.: Мир, 1979. 611 с.: ил.
17. *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. 573 с.: ил.
18. *De Wall F.* Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. London: Jonathan Cape, 1982. 223 p.

METHODOLOGICAL PROBLEMS

Vladimir VORONTSOV

Candidate of Technical Sciences, Senior researcher, Sector of Humanitarian Studies.
Kazan Institute of Eurasian and International Studies. 420139, Russian Federation,
Kazan, ul.Safiullina, d. 50A, of. 137; e-mail: vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

ANTHROPO-, SOCIO- AND CULTURE GENESIS IN THE LIGHT OF GENERALIZING THEORY

The term anthropo-, socio- and culture genesis, which reflects the indissoluble unity of the processes of human evolution, cultural socium (society) and culture, is increasingly used by philosophers and cultural scientists, but uniform illumination of anthropo-, socio-, and cultural genesis is still missing. Traditionally, anthropo-, socio- and cultural genesis was covered in the religious doctrines, where the fundamental role played the Holy Spirit (Parental Love), beloved parents – the bearers of all the benefits, the holders of the Higher Forces and Higher Mind. They reproduced a man-made universe, the source of our environment, and ensured our primordial being, socialization, enculturation at certain period of our life, so-called Golden Age. A false understanding of traditional teachings contributed to the emergence of a widespread theory of implements of trade that became the theoretical basis of many sciences, designed to explore the cradle of humankind (mother's hands), the culture of human, but not the culture of stone, bronze and iron. We may rightly call this theory mechanistic or technocratic.

In the framework of the mechanistic doctrine emerged erroneous views on the material production, on the basic forms of labor activities, which ensure the reproduction of the species. Material production exists wherever there are mothers, so there is no reason to deny the existence of animal breeding among the animals, and of aviculture among birds. Within the scope of animal breeding and aviculture, the production of food, the construction of dwellings, and the educational processes take place. At the origin of these forms of labor activity is the parental instinct, which is by its nature social, because it provides the natural formation of society “mother-child”. It is the maternal instinct that gave rise to the education, culturological process, so there is no reason to oppose social and cultural to biological.

Generalized and generalizing (consolidating), the labor theory of anthropo-, socio-, and cultural genesis, substantiated by the author of this article in a number of books, considers as the basic forms of the labor activity not cultivating of the tools of labor, but the cultivation of human, originated by maternal instinct. It is the mother's care, and not care about the stone, bronze and iron allows us to shed light on the origins of the deliberate health concern that gave rise to medicine, costume, cuisine, architecture, etc. The cultivation of human and not the treatment of the stone brought to life a wide range of modelling systems: language, fairy tale, myth, ritual, art. The process of inculturation and socialization, traditionally used by mothers in the earliest stages of anthropo-, socio-, and cultural genesis, allows us not only to shed light on the origins of these systems, but also to understand the meaning of the traditional teachings about human nature, society, and culture. Such an understanding makes extremely difficult the free interpretation of these teachings that is an inexhaustible source for generating pseudo-scientific doctrines and for attacks on science.

Keywords: philosophy, anthropo-, socio-, and cultural genesis, generalized theory, parental instinct, parental labor, education, culture, culturing of human, cultural solum, modelling systems

References

1. De Wall, F. *Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes*. London: Jonathan Cape, 1982. 223 pp.
2. Gurevich, P. "Desakralizatsiya mozga" [Desacralization of the brain], *Filosofskaya antropologiya*, 2015, vol. 1, no 1, pp. 6–19. (In Russian)
3. Harrison, G., Weiner, J., Tanner, J. et al. *Biologiya cheloveka* [Human biology], trans. by E. Godina. Moscow: Mir Publ., 1979. 611 pp. (In Russian)
4. Lorenz, K. *Tak nazyvaemoe zlo* [The so-called evil]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2008. 616 pp. (In Russian)
5. Makovskii, M. *Udivitel'nyi mir slov i znachenii: Illyuzii i paradoksy v leksike i semantike* [The wonderful world of words and meanings: Illusions and paradoxes in lexis and semantics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 200 pp. (In Russian)
6. Semenov, Yu. *Kak vzniklo chelovechestvo* [How the humankind arose]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 576 pp. (In Russian)
7. Shternberg, L. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primordial religion in the light of ethnography]. Leningrad: INS TSIK SSSR Publ., 1936. 573 pp. (In Russian)
8. Vorontsov, V. "K voprosu o dvizhushchikh silakh antropo-sotsio-kul'turogeneza" [On the problem of the moving forces of anthropo-socio-cultural genesis], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, no 1, pp. 136–140. (In Russian)
9. Vorontsov, V. "K voprosu obosnovaniya i issledovaniya paleopsikhologii cheloveka" [On the problem of justification and study of human paleopsychology], *Priroda psikhicheskogo* [The nature of the psyche]: paper abstracts. Perm: Perm Univ. Publ., 1994, pp. 47–48. (In Russian)

10. Vorontsov, V. "Mirovozzrenie «zolotogo veka» i ego istoki" [The worldview of the "golden age" and its origins], *Filosofiya i obshchestvo*, 2010, no 3, pp. 130–148. (In Russian)
11. Vorontsov, V. *Genezis yazyka, skazki i mifa v kontekste antropo-sotsiokul'turogeneza* [The genesis of the language, fairy tale and myth in the context of anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan: Institute of History Publishing House AS RT Publ., 2012. 415 pp. (In Russian)
12. Vorontsov, V. *Istoki protomeditsiny i ee rol' v antroposotsiokul'turogeneze* [The origins of protomedicine and its role in anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan: Centre of innovation research, 2015. 264 pp. (In Russian)
13. Vorontsov, V. *O prirode veshchei i pedagogicheskoi arkheologii* [On the nature of things and paedagogic archaeology]. Kazan: Intelpress+ Publ., 2009. 235 pp. (In Russian)
14. Vorontsov, V. *O teatre volzhskikh bulgar i prirode teatral'nogo iskusstva* [The theatre of the Volga Bulgars and the nature of theatrical art]. Kazan: Intelpress Publ., 2008. 212 pp. (In Russian)
15. Vorontsov, V. *Podlinnye istoki matematiki i ee rol' v antroposotsiokul'turogeneze* [True origins of mathematics and its role in anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan: Centre for innovative technologies, 2015. 252 pp. (In Russian)
16. Vorontsov, V. *Podlinnye istoki volshebnoi skazki* [True origins of a fairy tale]. Kazan: Intelpress+ Publ., 2011. 268 pp. (In Russian)
17. Vorontsov, V. *Priroda yazyka i mifa* [The nature of language and myth]. Kazan: Intelpress Publ., 2008. 473 pp. (In Russian)
18. Vygotskii, L. "Problemy razvitiya psikhiki" [The problems of mental development], in: L. Vygotskii. *Sobranie sochinenii*, 6 t. [Collected Works, 6 vols.], vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. 368 pp. (In Russian)